

УДК 821.161.1

ВЕСЕННИЙ ТОПОС РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ПТИЦЫ И МОТЫЛЬКИ

ШОХИНА Елена Викторовна,

аспирантка кафедры русской литературы,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования в статье являются поэтические коды и универсальные мотивы лирических текстов первых десятилетий XIX столетия, связанные в основном с орнитологический символикой. Выявлено, что образы птиц, корреспондирующих с наступлением весны и возрождением жизни, – ласточек, жаворонков, соловьев – репрезентируют тему поэтического вдохновения и символизируют любовь / блаженство. Делаются выводы, что птицы также выступают посредниками между земным и высшим мирами, что определяет их связь с танатологическими мотивами. Сходную роль играют «крылатые» насекомые: пчелы и мотыльки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: весна, образ птицы, ласточка, соловей, русская поэзия, символ.

SHOKHINA E.V.,

Postgraduate Student of the Department of Russian Literature,
Voronezh State University

SPRING TOPOS OF RUSSIAN POETRY: THE BIRDS AND BUTTERFLIES

ABSTRACT. The subject of research in the article are the poetic codes and universal motives of lyric texts of the first decades of the XIX century, mainly related to the ornithological symbolism. Images of birds, corresponding to the oncoming of spring and rebirth of life-swallows, larks, nightingales - represent the theme of poetic inspiration and represent the love / bliss. Also, birds act as intermediaries between the earthly and divine worlds what defines their relationship with thanatological motives. "Winged" insects, bees and moths, play a similar role.

KEY WORDS: spring, the image of a bird, swallow, nightingale, Russian poetry, symbol.

Образ птицы в литературе многопланов: птица коннотирует и смерть, и жизнь, она же и настраивает на возвышенный лад, провозглашает возрождение к новой жизни [1, с. 72]. В мифологических представлениях образы птиц обладают широкой символикой: соловей символизирует восторг и радости любви, прилёт жаворонков и ласточек знаменует приход весны. Но образ ласточки сложнее и многомернее: он служит и средством раскрытия гармонического мировосприятия.

С древнейших времен ласточка является «символом жизни или счастья» [2, с. 246], что отражает фольклорный код: ласточки, приносящие весну, появляются в многочисленных поговорках, веснянках, колядках и соответствующих весенних ритуалах. Эти народные поэтические воззрения определяют роль ласточки в литературе, она вестница прихода весны, поэтому обновление и продолжение жизни в мире птиц подразумевает аналогичную ситуацию и во всем мире, что отражается в поэтических текстах.

«Ласточка – заветная птица в русской поэзии <...> она – подруга поэтов, она их уносит на своих легких крыльях туда, откуда сама родом, – в те сферы, где живут вдохновение, любовь, вера, душа» [3, с. 185]. Подобная семантика ласточки подкрепляется мифологическими мотивами, связанными с этой птицей: «Ласточка – чистая, святая птица, наделяемая женской символикой. В песне ласточка уподобляется Божьей Матери, своим пением ласточка славит Бога» [4].

Одним из знаковых стихотворений является «Ласточка» Г.И. Державина. Поэт любит эту птицу, воплощающей в себе красоту, возвышен-

ность и одухотворенность окружающего мира. В этом стихотворении образ птицы соотносится и с лирическим субъектом, и с миром человеческих чувств в целом, являясь символом домовитости и домашнего уюта. Державин подробно описывает жизненный цикл ласточки, сопряженный со сменой времен года. Она обладает уникальной способностью подниматься в небеса и видеть «всю вселенную», что роднит ее с высшими силами, может воскресать с приходом весны. «Касаточка» в стихотворении символично выделяется наличием души, которая соотносится и с поэтической душой лирического субъекта.

Однако косвенно эта птица связывается с темой смерти, олицетворяя образ трагически умершей супруги писателя [5, с. 183]. В 1794 году, когда после смерти Екатерины Яковлевны – жены Державина – стихотворение было закончено, то в нем усложнились связи между образами: «Ласточка оказывается одновременно и душой поэта, и его возлюбленной» [6].

Образ умирающей и воскресающей ласточки в финале стихотворения актуализирует тему вечной жизни самого поэта. Л.Л. Бельская говорит о том, что душа поэта выступает как «гостя мира, бессмертная в поэзии» [7, с. 46]. Такое сопоставление между лирическим субъектом и ласточкой появляется благодаря способности птицы впадать в кратковременное оцепенение при неблагоприятных погодных условиях. Слияние души поэта с душой мира, разлитой в природе, прослеживается и у Е.А. Баратынского: «Что с нею, что с моей душой? / С ручьем она ручей / С птичкой птичка! с ним журчит, / Летает в небе с ней!» [8, с. 182].

Ласточка как помощница в поэтическом творчестве воспета в стихах А. Дельвига, Н. Гнедича, А. Майкова, А. Фета. У Николая Гнедича в стихотворении «Ласточка» читаем: «Пой, легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною! / Может быть, песнь не последнюю ты мне на душу напела» [9, с. 155]. Поэтическое творчество метафорически передается полетом птицы [3, с. 178]. Последний абзац стихотворения, описывающий парение ласточки в небесах над горами, лесами и городами, перекликается с державинскими строками о связи поэтического и «птичьего» взора: «Так для взоров поэта земля и все, что земное, / В шар единый сливается, свыше лучом озаренный» [9, с. 155]. «Ее пение и легкокрылый полет способны навевать песню на душу лирического субъекта, который и вообще уподобляет поднимающуюся к небесам ласточку – поэту» [10, с. 39]. В заключительных строках стихотворения А. Майкова «Ласточки» у лирического субъекта вырывается крик души о желании уподобиться крылатым птицам: «Они уж в иной стороне – / Далёко, далёко, далёко... / О, если бы крылья и мне!» [11, с. 99]. Несмотря на то, что в тексте на первый план выходит картина осени, поэт мысленно возвращается к тем дням, когда в начале весны ласточки начали вить свое гнездо. Таким образом вводится тема ласточкиной «домовитости», являющейся развитием державинской темы [7, с. 47]: «А помню я, как хлопотали / Две ласточки, строя его!.. Как любо им было, когда / Пять маленьких, быстрых головок / Выглядывать стали с гнезда!» [11, с. 99].

Симптоматичным для лирических текстов начала XIX века является стихотворение «К ласточке» А. Дельвига. Оно пропитано атмосферой древнегреческих мифов и преданий: образы зephyров, Купидона, Эола, Филиты подчеркивают любовный настрой стихотворения. Лирический герой соединяется со своей возлюбленной только благодаря Морфею, а ласточка, выступая вестницей утра, разрушает идиллическую картину сна. Передается мысль поэта о невозможности осуществления в действительности того, что возникает в воображении. А. Дельвиг следует традиции изображения этой птички в контексте любовных взаимоотношений и в романсе «Прекрасный день, счастливый день...»: «Что, вьешься, ласточка, к окну, / Что, вольная, поешь? / Иль ты щебечешь про весну / И с ней любовь зовешь?» [12; с. 62]. Неоднократно встречаясь в тесной взаимосвязи с образом ласточки, мотив любви становится причастным «ласточкиному» мотиву.

В начале XIX века из одного поэтического текста в другой переходит хрестоматийный пейзаж, описывающий приход весны и выраженный в конечном итоге в широко известном стихотворении А. Плещеева «Ласточка». Образ наступающей весны воплощен в образе птицы, которая несет с собой «привет» из теплых дальних стран. Утопический весенний топос дополняется также представителями насекомых: особенно глубокими по своему архетипическому наполнению являются пчелы. Они пользуются особым почитанием в славянской мифологии и христианской картине мира: пчелу воспринимают как Божью тварь и символически соотносят с образом Богородицы. По народным воззрениям, приписывающим пчелам не только чистоту и святость, но также девственность и безбрачие, образ невинной девушки сопрягается с образом пчелы у Е.П. Зайцевского в стихотворении «Вечер в Таври-

де»: «Так дева, чистая душой, / Сном безмятежным засыпает; / Так тихо в улье замолкает / Под вечер пчел жужжащий рой» [13, с. 116]. С образом пчелиного улья в лирику вводятся мотивы рождения, смерти и воскрешения, связанные с весенним временем года.

Насекомые проникают также и в уединенный мир влюбленных, становясь наряду с птицами эмблематическими образами: «Он страстию любовной тает, / За всем гоняется, бежит, / Цветы прекрасны собирает / И часто ловит мотыльков...» [14, с. 386] (Ф.И. Ленкевич «К другу моему на новый год»). Беззаботность и легкомысленность молодых людей поддерживается образом эфемерных мотыльков, быстрое порхание которых осознается как возможная мимолетность счастья для человека.

В число центральных образов-символов, наиболее ярко отражающих национальную картину мира в русской поэзии начала XIX века, входит образ соловья, щебечущего в разгар весны. Однако его временной период отличается от времени ласточки, предварающей своим появлением процесс обновления природы.

Характерной чертой «соловья» является его включенность в пейзажный поэтический комплекс, который можно разделить на сентиментальный или романтический [15, с. 101]. Идиллический топос в лирике становится тем фоном, на котором природа торжествует в честь прихода весны: царят мир и совершенная гармония, журчат потоки, веют зephyры, веселятся сифлы и нимфы, распевают птички: «Где круглый год весна, цветы, / Где в темные часы ночные / При шуме серебряных ключей / Льет песни страстные, живые / Любовник розы – соловей» (Е.П. Зайцевский «Вечер в Тавриде») [13, с. 116]. Мир, освобожденный из оков льда и снега, уподобляется райскому локусу: «Под солнце самое взвился / И в яркой вышине / Незримый жавронок поет / Заздравный гимн весне» [8, с. 172] (Е.А. Баратынский «Весна, весна! как воздух чист!»). У Е. Баратынского образ жаворонка, вписанного в самую сердцевину мира, в своем прославлении весны и жизни поднимается и в прямом, и в переносном смысле до «сфер горнего мира» [16, с. 25]. Аналогичная картина была создана еще А. Дельвигом в стихотворении «Жаворонок»: птица, напрямую названная «весенней», своими трелями разликает во всем мире любовь и радость.

Весомой чертой образа соловья является то, что он сопровождает встречи влюбленных в рощах или садах, вводя в лирические тексты любовную тематику. Любовная тематика выражается в эмблемах романтической лирики у А.С. Пушкина, образ птицы задается в составе устойчивого пейзажного комплекса: «Так соловей в кустах лавровых, / Пернатый царь лесных певцов, / Близ розы гордой и прекрасной / В неволе сладостной живет / И нежно песни ей поет...» [17, с. 40]. Такая же идиллическая картина поддерживается и многими другими поэтами: «Зови любовников счастливых / Под кровы девственных аллей: / Пусть их пленяет соловей / И шум потоков говорливых!» [13, с. 116] (Е.П. Зайцевский «Весна»).

В поэтическом лексиконе соловей устойчиво связывается с Филомелой в соответствии с мифологическими сказаниями о дочери афинского царя Пандиона, которая была превращена богами в соловья (или в ласточку), когда убегала от Тереея, который отрезал ей язык. История соловья и ласточки, соответственно, притягивает к себе архетипическую

концепцию поэта, «получившего свой дар, причащаясь смерти, принося себя в жертву», и запечатлевающего испытанные им «страсти» в слове [10, с. 40].

В стихах возникает мифологический подтекст: «Благоуханный Май воскреснул на лугах, / И пробудилась Филомела, / И Флора милая, на радужных крылах, / К нам обновленная слетела» (Е.А. Баратынский «Весна») [8, с. 279]. Античные коды поддерживаются упоминанием и о спускающейся с небес богине, олицетворяющей умирающую и возрождающуюся весной природу, – Флоре, которая покровительствует земледелию. Неслучайно в один смысловой ряд Баратынский помещает месяц Май и Флору, ведь в ее честь у сабинян так именовался месяц, соответствующий апрелю или маю.

И в народном сознании, и в религиозно-мифологической системе птицы способны общаться с небом, потому что являются символами Божественной сущности, неба, солнца, жизни. Эта мысль органично отражается в «Гимне» В.А. Жуковского: «...и ты, любовь весны <...> Воркуй под сению дубравной, Филомела. / А ты, глава земли, творения краса, / Наследник ангелов бессмертного удела, / И в горнее пари, хвалой воспламененный» [18, с. 83]. Как один из образов Филомелы, ласточки воплощают собой «крылатый» миг, и поэтому они «сопутствуют поэту в его стремлении уловить неуловимое и вернуть невозвратное» [10, с. 43].

Как символ романтического двоемирия В. Жуковский использует образ птицы и в стихотворении «Весеннее чувство». Двоемирие романтиков определяется как «двоемирие реальности, обусловленное влиянием сферы сверхреального <...> и преодолеваемое через приобщение к ней» [19]. Птичка стремится не просто к небесам, но в «край желанного». В.А. Жуковский постоянно пытается определить, что же такое *Невыразимое*, осмыслить для себя в этом мире таинственное «Там». Несмотря на осознание несовершенства физического мира, душа человека благоговеет перед таинством творения мира, в котором и птицы, и люди славят Бога. Образ жаворонка в элегии В.А. Жуковского «Приход весны» символизирует не только приход весны, но и вести из иного – горнего – мира [16, с. 25]: «Зелень нивы, роши лепет, / В небе жаворонка трепет... / Чем иным тебя прославить, / Жизнь души, весны приход?» [18, с. 381].

В лирике начала 20-х годов В.А. Жуковский желает воссоздать «состояние вдохновения, воодушевления, сдержанно-экзальтированного напряжения способностей человека реагировать на впечатления внешнего мира, проникать в его “тайны”» [20, с. 72]. Неслучайно птичка именуется поэтом «странником поднебесным», ведь это усиливает символическую отвлеченность образа. У В.А. Жуковского в стихотворении «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» образ мотылька воплощает в себе мысль о свободной душе лирического героя, которую невозможно сковать физическими узами: «...нежданный гость небес, / ...ты внемлешь здесь одно стенанье; / Ты здесь порхаешь по цепям. / Лети ж, лети к свободе в поле...» [18, с. 172]. В Библии имеется немало упоминаний основной отличительной части птицы – крыльев, однако и ангелы, и херувимы, и Святой Дух всегда изображаются крылатыми. Крылья по своей сущности «делают» птицу птицей, хотя ими наделены различные насекомые, а также мифологические создания (Амуры, Купидоны). Можно сопоставить крылья

птицы и мотылька, несущие в себе метафору полета в стихотворении.

Птицы часто выполняют функцию связующего звена между двумя мирами, в связи с чем они сами выступают и символом смерти. Таким посланцем из мира мертвых в стихотворении К.П. Масальского «Элегия» является «певица канарских островов»: «Придет прелестная весна, – / Ее не встретишь ты, певица, / Веселой песнию своей. / Не будет летнею порою / В саду на яблоне с тобою / Переключаться соловей. / Один он запоеет уныло / Над раннею твоей могилой!» [21].

В печальных красках образ поэта обрисован у К.Н. Батюшкова в стихотворении «Последняя весна» по контрасту с заданным вначале локусом оживленного весенним дыханием леса/бора: «В полях блистает май веселый! / Ручей свободно зажурчал, / И яркий голос филомелы / Угрюмый бор очаровал: / Всё новой жизни пьет дыханье!» [22, с. 190]. В данном случае лирический субъект не обладает чертами «окрыленности» и погибает на пике возрождения всего живого в природе: «Весна пришла, и час кончины / Неотразимый вижу я!» [22, с. 191]. Такое тяготение ласточек, как и других видов птиц, к загробному миру связано с метафоризацией их как души [10, с. 53], что ярче всего воссоздана в стихотворении Г.Р. Державина «Ласточка», получившем эпитафическую направленность в конечной редакции. При этом физическая смерть рассматривается как метафора «полетосвобождение», что особо значимо для романтического мировосприятия. У В. Кюхельбекера поэт после смерти превращается в вольную птицу, славящую Бога в стихотворении «Счастливицы вольные птицы...».

Анализируя сложившуюся в русской поэзии начала XIX века орнитологическую метафорику, можно сделать вывод, что она складывается из устойчивого набора повторяющихся образов-символов птиц: соловей, жаворонки, ласточка. Такой же ключевой набор образов характерен и для романтической европейской литературы этого же периода. Картины обновленной природы, воспеваемой русскими поэтами, становятся частью общеевропейского идиллического пейзажа. В английской литературе птицы также служат способом соединения двух миров – земного и мира истинного блаженства на небесах (например, в стихотворении П.Б. Шелли «Жаворонку»). Для европейских авторов соловей превращается в символ идеального искусства и вдохновения: в «Оде к соловью» Дж. Китса он связывается с образом поэта, что, как мы могли наблюдать, характерно и для русских лирических текстов.

Истоки «птичьей» образности уходят своими корнями в индоевропейскую культуру, в античную и славянскую мифологию. Птицы выступают как помощники людей в том смысле, что они «приносят» с собой весну, тем самым пробуждая природу ото сна, они вдохновляют на поэтическое творчество и являются сакральными вестниками из высшего мира. В *весенних* текстах начала XIX века ласточки в большей степени, чем другие птицы, метафорически сближаются с бессмертной душой поэта, отражая его стремление оказаться в единении с Природой и Создателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дубровина, К.Н. Образ птицы: от Библии к художественному тексту [Текст] / К.Н. Дубровина, М.В. Кутьева // Вестник РУДН. – 2009. – № 1. – С. 69–77.
2. Похлебкин, В.В. Словарь международной символики и эмблематики [Текст] / В.В. Похлебкин. – М., 2001. – 560 с.
3. Сурат, И.З. Три века русской поэзии [Текст] / И.З. Сурат // Новый Мир. – 2007. – № 4. – С. 174–186.
4. Грушко, Е.А. Славянская мифология [Электронный ресурс] / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева. – (<http://pagan.ru/slowar/1/lastochka0.php>).
5. Сафонова, Т.В. Символика птиц в русской танатологической лирике [Текст] / Т.В. Сафонова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2009. – Вып. 3. – С. 182–184.
6. Авилова, Н.С. Стихотворение Державина «Ласточка» [Электронный ресурс] / Н.С. Авилова. – (<http://rus.1september.ru/article.php?ID=200204207>).
7. Бельская, Л.Л. Ласточка в русской поэзии [Текст] / Л.Л. Бельская // Русская речь. – 2013. – № 2. – С. 45–51.
8. Баратынский, Е.А. Полное собрание стихотворений : в 2 т. [Текст] / Е.А. Баратынский. – Л. : Сов. писатель, 1936. – Т. 1. – 366 с.
9. Гнедич, Н.И. Стихотворения [Текст] / Н.И. Гнедич. – Л. : Сов. писатель, 1956. – 845 с.
10. Фаустов, А.А. Полет ласточки в русской поэзии [Текст] / А.А. Фаустов // Звери и их репрезентации в русской культуре. Труды Лозаннского симпозиума 2007 года. – СПб. : Балтийские сезоны, 2010. – С. 38–67.
11. Майков, А.Н. Стихотворения. Сочинения в двух томах. [Текст] / А.Н. Майков. – М. : Правда, 1984. – Т. 1. – 576 с.
12. Дельвиг, А.А. Сочинения [Текст] / А.А. Дельвиг. – Л. : Худож. лит., 1986. – 459 с.
13. Поэты 1820–1830-х годов [Текст] / под общ. ред. Л.Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1972. – Т. 1. – 175 с.
14. Поэты-радищевцы (А.Х. Востоков, И.П. Пнин, И.М. Борн, В.В. Попугаев и другие поэты Вольного общества любителей словесности, наук и художеств) [Текст] // Вступ. ст., сост. и подгот. текста П.А. Орлова. – Л. : Сов. писатель, 1979. – 592 с.
15. Азбукина, А.В. Соловей-эмблема в русской поэзии 1 половины XIX века [Текст] / А.В. Азбукина // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых, Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – С. 100–107.
16. Косяков, Г.В. Мифопоэтика образа крылатой души в русской романтической поэзии [Текст] / Г.В. Косяков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – Вып. 294. – С. 24–27.
17. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 томах [Текст] / А.С. Пушкин. – М., 1959. – Т. 2. – 799 с.
18. Жуковский, В.А. Собрание сочинений в 4 т. [Текст] / В.А. Жуковский. – М.; Л. : Сов. писатель, 1959. – Т. 1. – 480 с.
19. Веселовский, А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» [Электронный ресурс] / А.Н. Веселовский. – (http://dugward.ru/library/gukovskiy/veselovskiy_gukovskiy.html#svyazm).
20. Семенко, И.М. Поэты пушкинской поры [Текст] / И.М. Семенко. – М. : Худ. литература, 1970. – 296 с.
21. Масальский, К.П. Стихотворения [Электронный ресурс] / К.П. Масальский // Поэты 1820–1830-х годов. – (http://az.lib.ru/m/masalxskij_k_p/text_0010.shtml).
22. Батюшков, К.Н. Полное собрание стихотворений [Текст] / К.Н. Батюшков. – М.; Л. : Сов. писатель, 1964. – 353 с.